

Девушка, девушка, барышня...

© В.А. ЕФРЕМОВ,

кандидат филологических наук

Статья посвящена анализу семантических и стилистических трансформаций в истории основных номинаций девушки от исконных *дева* и *девица* до заимствованных *мадемуазель* и *мисс*.

Ключевые слова: понятие и его словесное отображение; история слов; семантические и стилистические трансформации; семантическая параллель.

Понятия «мужчина» и «женщина» как архетипические для человеческого сознания относятся к разряду универсальных. Идеографический «Русский семантический словарь» в рамках максимально большого класса «Названия лиц» в качестве самостоятельного выделяет группу номинаций «По полу, а также по полу и возрасту», в котором для обозначения девушки приведено восемь слов, относящихся к одному словообразовательному гнезду: «*дева* 1 (устар.), *деваха* (прост.), *девица*, *девица* (устар. и разг.), *девка* 1 (устар. и прост.), *девочка* 2 (разг.), *девушка*, *дивчина* (прост. и обл.)». Однако в данный список по непонятным причинам не попало несколько актуальных и для классической, и для современной русской словесности номинаций: *барышня*, *девонька*, *мадемуазель*.

Древнейшая номинация девушки во всех славянских языках – *дева*, однако уже в XVIII веке это слово окончательно стилистически (маркировано пометой *Сл.* в «Словаре Академии Российской») и семантически (ядерный компонент – «девственница») отмежевалось от остальных образований с тем же значением: «каждая из женского пола от младенчества до замужества» [1]. В ходе развития русского языка основное направление эволюции слова *дева* – стилистическое: от нейтрального через книжное к устаревшему и высокому, либо фразеологически связанному (*старая дева*).

Этимологический анализ лексемы *дева* позволяет установить три важных элемента понятия «девушка»: 1) исторически внутренняя форма слов *дева*, однокоренное с *дитя*, содержит смысловой компонент «относящийся к детству» и маркирует социально неполноценного (вне брака) члена общества; 2) отсутствие жестких границ между словами понятий «девочка», «девушка», «женщина» обусловлено этимологически; 3) различие понятий «девочка» и «девушка» – проявление этнолингвистической специфики славянской картины мира.

Девушка, так же, как и слово *дева*, общеславянское: оба использованы в древнейших памятниках старославянской письменности для понятия «девушка». Слово *девица* образовано от корня *дев-* с помощью суффикса *-иц-*, следовательно, первоначальное значение слова *девица* – «маленькая девушка, девочка». Затемнение внутренней формы слова предопределило важный семантический нюанс: *дева* в памятниках письменности всегда соответствует древнегреческому «девственница», в то время как *девица* имеет два значения, соответствующие разным древнегреческим словам – «девушка, девочка» и «девственница». Иными словами, уже в старославянском языке наметилась стилистическая тенденция размежевания, характерная затем для русской книжности: производное *девица*, генетически восходящее к разговорной сфере языка, становится широко употребляемым, а производящее *дева* тяготеет к книжной речи и в результате переходит в разряд архаизмов.

Приблизительно в XVII веке у слова *девица* появляется значение «служанка», однако уже в XVIII оно становится архаичным [2]. С XVIII века и почти до конца XIX слово используется в клишированной этикетной конструкции: *Девушка + имярек* – распространенная форма названия незамужней женщины высших слоев или (позднее) актрисы: «Потом баронесса Таубе и *девица* Фитингоф приходили ко мне пить шоколад» (Фонвизин. Из журнала путешествия... 1789). На появление данного оттенка значения повлияли контакты российского общества с западной культурой, что изменило представление о (речевом) этикете и привело к семантическому калькированию этого значения словом *девица*. Аналогичные производные значения существуют и в других языках, например: немецком *Fräulein*, французском *demoiselle*, английском *miss*.

В XVIII–XIX веках формируется и «фольклорная» закреплённость номинации *девица*: «*Дева* более употреб. в знач. девственница; *девица* в песнях, в сказках; *девка* низшего сословья» [3].

В конце XIX – начале XX века произошла окончательная стилистическая дифференциация акцентологических вариантов *де́вица* и *деви́ца*: «*Деву́шка* (офиц. устар. разг.) и (нар.-поэт.) *деви́ца*. То же, что *девушка* в 1 знач. По паспорту *деви́ца*. *Красна деви́ца*» [4]. И если в XIX – начале XX века слово использовалось наравне с номинацией *девушка*, то с советской эпохи данное значение стало считаться устарелым, поэтизмом или неодобрительным, уничижительным.

Девка – также одно из древнейших общеславянских слов, использующихся для обозначения девушки. Внутренняя форма слова прозрачна: корень *дев-* + суффикс *-к-*. В отличие от *дева* и *девица*, оно никогда не использовалось для обозначения Девы Марии и во многих славянских языках у него появилось значение «служанка». Подобного рода семантическая эволюция «юная девушка» > «служанка» характерна не только

для русского *девка* или польского однокоренного *dziewucha*, но и для староанглийского *maid(en)*, и для немецкого *Mädchen*.

Более того, подобная семантическая трансформация обнаруживается и в «мужском» мире. Так, первоначальное значение слова *отрок* – «тот, кому отказано в праве говорить; слуга; раб» [5. С. 47]: внутренняя форма слова содержит указание на человека, еще не получившего право голоса зрелого мужчины (ср. лат. *infans* «дитя» < *in-fans* «не говорящий»). Таким образом, можно утверждать, что для некоторых индоевропейских языков появление значения «слуга» у слов, именуемых человека юного возраста, вполне закономерно.

В ходе развития русского языка и становления его стилистической системы слово *девка* приобретает статус «простонародного»: «Девка. Употребляемое в просторечии и значащее: 1) То же, что и *девица*. 2) Иногда означает то же, что *служанка*» [1] и постепенно окутывается яркой экспрессией вульгарности. Причины понижения стилистического статуса две: во-первых, наличие в языке схожих по структуре словообразований того же корня *дев-*; во-вторых, отнесенность данного слова к языку и культуре деревенского и мещанского миров.

В XVIII веке слово *девка* перестало характеризовать девушку вообще, сузило лексическое значение и закрепилось в первую очередь в качестве номинации девушек, относящихся к низкому социальному слою общества (прежде всего, деревенскому и мещанскому).

В XX веке в литературном языке стилистические и прагматические коннотации данного слова не меняются. Более того, лексикографы отмечают появление еще одного значения: «Девка (*простореч.*). 1. То же, что *девушка* в 1 знач. 2. Развратная женщина, проститутка. *Уличные девки*» [4].

Однако следует еще раз отметить, что в народной и просторечной речи слово *девка* не содержит никакой отрицательной коннотации и широко употребительно в качестве дублета слова *девушка*.

Лексема *девушка* появляется в русском языке довольно поздно, в конце старорусского периода. Так же, как и основные слова понятия «девушка». Словарь Академии Российской определяет слово *девушка* как синоним к *девица*: «Название приветственное вообще девицам», основной акцент ставя на фатической функции слова. При этом лексикографы академического словаря XVIII века не отмечают уже существовавшее второе значение слова *девушка* – «служанка»: «У себя ли, *девушка*, господин ваш?» (Сумароков. Рогоносец по воображению. 1772).

На протяжении XVIII–XIX веков слово не претерпевает никаких семантических или прагматических трансформаций, став основной нейтральной стилистически и с точки зрения социальной принадлежности объекта номинации лексемой.

В XX веке лексема претерпела две семантические трансформации. Первая связана с переходом в разряд историзмов лексико-семантического варианта «служанка» в связи с утратой самого предмета номинации. Вторая, наметившаяся в послевоенную эпоху в речевом этикете, – это использование слова *девушка* в качестве обращения к продавщице, официантке и другим работницам сервиса. Несмотря на сниженно-разговорный характер данного средства, появление подобного оттенка значения – это возвращение на новом этапе развития языка к гендерно-социальным стереотипам, характерным для предыдущих эпох: молодая женщина, работающая в сфере услуг, рассматривается как незамужняя и бездетная.

Барышня, как и слово *девушка*, также исконно русское. Современный звуковой облик слово приобрело лишь в XVIII веке в результате фонетического стяжения среднерусского *боярышня* (XVI в.) из первоначального *бояричьня*, которое известно с XIII века. Как следует из внутренней формы слова, в ходе фонетической и семантической эволюции значение изменялось неоднократно: «дочь боярина» > «девица благородного звания» > «молодая девушка». Такую утрату социального компонента лексического значения можно наблюдать и в других словах, связанных с номинацией детей и лиц юного возраста (ср. историю лексем *отрок*, *малец*, *дитина* и др.).

Впервые в значении «(благородная) девушка» слово стало употребляться в постпетровскую эпоху: в «Словаре русского языка XVIII в.» оно маркировано как неологизм: «*Прост.* Дочь барина; девушка-дворянка». При этом, если судить по словоупотреблению в литературе XVIII века, эта номинация была своего рода маркером асимметричных социальных отношений: она использовалась не исключительно, но прежде всего лицами из простого, городского и крепостного народа в качестве обращения к молодой незамужней дочери хозяина или знатного человека, например: «Няня десять раз дергала ее за камчатную телогрею и десять раз говорила ей: “Пойдем, *барышня*, все кончилось”» (Карамзин. Наталья, боярская дочь. 1792).

На протяжении всего XIX века слово активно используется и представителями высших слоев общества для обозначения девушки их круга: «Одета была девушка как *барышня*, не как мещанка» (Тургенев. История лейтенанта Ергунова. 1868).

Однако с середины века, и чуть позже под влиянием появившегося в 60-е годы фразеологизма *кисейная барышня*, у слова все чаще актуализируются семантические компоненты «легкомысленная», «не приспособленная к труду»: «Нельзя сказать, чтоб она отличалась сверхъестественным остроумием, решительностью нрава и большими сведениями. Она училась ни дурно, ни хорошо, как все богатые *барышни*; любила петь, любила ездить верхом, наряжалась с большим удовольствием и боготворила свою маменьку» (Соллогуб. Теменевская ярмарка. 1845).

В период революции и гражданской войны слово *барышня* точно маркировало отношения между собеседниками и использовалось сторонниками революции, особенно молодыми, исключительно как ироническое или уничижительное обращение к «классово чуждой» девушке: «Павка встал и, надвинув на лоб кепку, что всегда у него являлось признаком злости, проговорил, подбирая наиболее деликатные слова: – Вы бы, барышня, ушивались куда-нибудь, что ли» (Островский. Как закалялась сталь. 1934). На протяжении всего советского периода слово воспринимается как устаревшее и идеологически чуждое: «Барышня (*устар.*). 1. Девушка из барской семьи. 2. Молодая девушка (*простореч.*).|| Девица, незамужняя (*простореч.*). 3. Служащая в учреждении, в магазине (*разг. дореволюц.*)» [4].

В связи с этим заслуживает внимания комментарий к синонимическому ряду с опорным словом *девушка* в академическом словаре синонимов: «Слово *барышня*, употреблявшееся до революции, в современном языке устарело и употребляется шутливо, иронически» [6]. Вместе с тем это замечание лексикографов 70-х годов XX века тоже устаревает. В современной разговорной речи, интернет-общении и художественной литературе оно употребляется не редко и не всегда в ироническом ключе. Например, в журналах и на интернет-форумах, посвященных воспитанию детей, а также в устной речи, часто можно встретить употребления типа: «Наташа уже совсем барышней стала».

Более того, в художественной литературе и в повседневном употреблении наметилась тенденция использования слова *барышня* в качестве обозначения работницы сферы услуг или обращения к ней: «Тут же выпивали рюмку водки, которую предлагала всем входящим прелестная *барышня* в русском костюме с кокошником» (Лопато. Волшебное зеркало воспоминаний. 2002–2003). Такое употребление, безусловно, проявление одной из наиболее характерных тенденций развития русского языка постсоветского периода – попытки возвращения к речевому этикету XIX века.

Данные «Национального корпуса русского языка» (Электронный ресурс. <http://www.ruscorpora.ru>) также убедительно свидетельствуют: в современной речи слово *барышня* продолжает существовать и активно используется во всех сферах бытования письменной речи: от ежедневных газет и аналитических еженедельников до детской литературы и разного качества художественных произведений. Хотя архаический оттенок употребления предопределяет зачастую именно иронический контекст использования данной номинации.

Дивчина – производное от основы *девк-* + суффикс – *ина(а)* – заимствовано в русский из украинского. Вместе с тем в диалектах зафиксирован и собственно русский вариант *девчина* в трех тесно связанных значениях: «девушка» (олон., новг., пск., самар., смол.), «взрослая

девушка» (перм.), «старая дева» (яросл., перм.) [7. Вып. 7]. Заслуга введения слова *дивчина* в относительно широкий обиход русского языка принадлежит, несомненно, Н.В. Гоголю, который предварил «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831–1832) авторским словарем использованных украинизмов – «тех слов, которые в книжке этой не всякому понятны». Номинация *дивчина* на протяжении всего XIX века используется в русской литературе исключительно в функции этнографизма: все контексты употребления этого слова в позапрошлом веке, по данным «Национального корпуса русского языка», – это примеры либо украинской речи, либо ее стилизации, либо описания на русском языке реалий малороссийской (украинской) культуры.

В начале XX века Н.С. Трубецкой отметил: «Следует особенно принять во внимание, что в южновеликорусских говорах есть очень много слов, не вошедших в русский литературный язык, но существующих в малорусском (*хата, дивчина* и т.д.)» (Общеславянский элемент в русской культуре). Показательно и отсутствие этого слова в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, что также свидетельствует об ощущении данной лексемы как немотивированного заимствования. Словари конца XX – начала XXI века стилистически маркируют лексему *дивчина* либо как просторечную, либо как разговорную. Более того, в них содержится прямое указание на этнографический характер слова: «Дивчина. Разг. = Девушка (обычно в речи украинца или об украинке)» [8].

В современной речи *дивчина* употребляется преимущественно в двух разновидностях контекстов. Во-первых, когда речь идет о девушке, пышущей здоровьем и силой: «Белозубые, спелые, будто сошли *дивчины* эти с картин Малявина или Кустодиева, точнее с довоенных выставочных плакатов» (Астафьев. Пастух и пастушка. 1989). Во-вторых, для придания украинского или южнорусского колорита: «Была еще, помню, семья Дорошенков, молодые парубки и *дивчины*, танцевали гопак, казачок и другие украинские пляски» (Рыбаков. Тяжелый песок. 1977).

Вместе с тем, тот факт, что слово *дивчина* не зафиксировано в обратном томе «Русского ассоциативного словаря» (1,2 миллиона реакций-словоупотреблений), подтверждает, что для современного русскоговорящего человека оно не актуально.

Слово *мадемуазель* появилось в русском языке позднее остальных номинаций девушки и просуществовало в активном употреблении чуть более двухсот лет. Заимствованное в несколько измененном виде (*мадмазель*) в самом начале XVIII века, оно на протяжении всего столетия использовалось в первую очередь для обозначения знатных француженок: «От нее имеет принцесс дщерей <...>, коим титул только наддается просто *мадмазелли*, бес прозвании, а иным никому» (Матвеев. Архив. 1705). При этом в самом французском языке XVIII века *demoiselle*

обозначало не только девушку, но и замужнюю женщину незнатного дворянского рода или третьего сословия, в отличие от *dame* – «жены титулованного дворянина» [9. С. 58]. В XIX веке во французском, а затем и в русском, *dame* и *mademoiselle*, утратив указание на степень знатности, дифференцировались иначе: *dame* стало обозначать замужнюю женщину, а (*ma*)*demoiselle* – незамужнюю девушку.

В 1780-е годы слово принимает современный орфографический облик – *мадемуазель*. Сначала оно служило для обращения лишь к лицам благородного происхождения, но в XIX веке стало довольно распространенным вежливым обращением к девушке вообще. При этом в русский язык вошли не только сама номинация, но и правила ее употребления, характерные для французского этикета. Так, *мадемуазель* (с XIX в. и *мадмуазель*) могло употребляться и в функции обращения, и при назывании той или иной персоны, как при имени или фамилии, так и одиночно, как в русской, так и во французской транскрипции: «Я видел, как ты вчера целовался с *m-lle* Зиной!» (Чехов. Зиночка. 1887).

С 1739 года в русской словесности фиксируется и другой вариант произношения и написания этого слова, транскрибирующий французскую разговорную аллегровую форму *tam'zelle* – *мамзель*. М. Фасмер, однако, полагал, что это заимствованная немецкая форма *Mamsell* [10. Т. II]. В XVIII – начале XIX века слово использовалось как дублет *мадемуазель*: «Три дня после того, Лизавете Ивановне молоденькая, быстроглазая *мамзель* принесла записочку из модной лавки» (Пушкин. Пиковая дама. 1833), однако с середины XIX века у него появляется пренебрежительный оттенок. Помимо стилистического приращения, у лексемы *мамзель* в середине XIX века появляется новый лексико-семантический вариант – «актриса»: «За год или за два до неприятельского нашествия приехала в Москву известная трагическая актриса *мамзель* Марс и там играла» (Благово. Рассказы бабушки... 1880).

К концу XIX века словом *мамзель* стали называть и дам легкого поведения: «*Мамзелям* моим не ндравится, ежели здесь есть кто посторонний» (Чехов. Маска. 1884). Стоит отметить, что подобный семантический перенос заимствований из французского через нейтральную стилистическую характеристику в разряд слов с коннотацией фривольности и скабрёзности в русском языке нередок (см. историю слов *адюльтер*, *амур*; проявление той же концептуализации – словосочетания типа *французский поцелуй*, *французское письмо*, *французский насморк* и т.д.).

Данные номинации пережили и еще одну семантическую трансформацию: аналогично *месье* и *мадам*, слова *мадемуазель* и *мамзель* с начала XVIII по 20-е годы XX века использовались для обозначения французских гувернанток: «У меня у самого жила *мамзель* Шатофор,

которую я был отменно доволен, и по возрасту дочерей моих лишиться ее было бы для меня потеря» (Долгоруков. Повесть о рождении моем... 1788–1822).

Такое положение дел фиксирует словарь под ред. Д.Н. Ушакова, односторонне маркируя слова *мадемуазель* и *мамзель* как идеологически чуждые новой реальности, тем самым предрекая им переход в разряд устарелой лексики: «Мадемуазель и мадмуазель (*дореволюц.*). 1. Слово, присоединяемое к фамилии девушки аристократического, буржуазного круга, в знач. барышня, девица. || Слово, употр. в вежливом обращении к такой девушке. 2. *простореч.* Вообще барышня, девушка. 3. *простореч.* Гувернантка в барском доме, преимущ. иностранка (*устар.*)» и «Мамзель (*простореч. устар.*). 1. То же, что мадемуазель. 2. Женщина, принадлежащая к театральной богеме, обычно легкого поведения» [4].

В современном русском языке номинации *мадемуазель* и *мамзель* относятся к глубокому пассивному лексическому запасу. Так, в «Русском ассоциативном словаре» зафиксирована лишь одна реакция *мадемуазель* (кстати, на стимул *дама*). В современной литературе оба слова используются редко и исключительно для придания иронической характеристики персонажу: «Трудно ведь искренне назвать “богиней” или “царицей” *мадемуазель* в полуспортивных леггинсах, лыжных ботинках и вычурной кофте с рюшами» (Баконина. Школа двойников. 2000).

Таким образом, историю возникновения основных номинаций девушки в русском языке можно представить следующим образом: *дева* – *девица* – *девка* – *девушка* – *барышня* – *дивчина* – *мадмуазель*. Основная часть данных лексем этимологически восходит к одному корню (*дев-*), что предопределило их сложные взаимодействия, связанные с семантическими трансформациями и стилистической дифференциацией. В качестве общего вектора развития семантики некоторых из них (*девица*, *девка*, *девушка*) можно выделить приобретение вторичного значения «служанка». Часть этих слов в ходе развития языка перешла в разряд устаревших (*дева* и *мадмуазель*), другие воспринимаются как сниженно-разговорные (*девица* и *девка*). Эпизодические попытки ввести ту или иную номинацию в литературный язык, как, например, случилось со словом *дивчина*, не смогли изменить внутренних законов развития языка. Попытки вернуться к нормам словоупотребления дореволюционной эпохи в начале XXI века также пока не принесли значительных результатов, что демонстрирует история «реабилитации» лексики *барышня*.

Анализ вербализаторов концепта «молодая незамужняя женщина» убедительно показывает, что исторические изменения, характерные для жизни любого языка, особенно явно обнаруживаются на материале семантических и прагматических модификаций тех слов, которые обозначают базовые концепты любой культуры, например, «человек», «мужчина», «женщина», «ребенок» и т.д. Иными словами, чем глубже

трансформации, переживаемые языком, тем вернее они отразятся на глубинных пластах языкового сознания и на концептуальной системе языка.

Литература

1. Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный. СПб., 1789–1794. Ч. 1.
2. Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984–.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т. I.
4. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940.
5. *Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства. М., 1959.
6. Словарь синонимов русского языка. В 2 т. Л., 1970.
7. Словарь русских народных говоров. Л.; СПб., 1965–.
8. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
9. Из истории русских слов: Словарь-пособие. М., 1993.
10. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986–1987.

Санкт-Петербург

К сведению авторов

Редакция журнала принимает статьи не более 10 страниц с аннотацией и ключевыми словами (размер шрифта 14, через полтора компьютерных интервала). Материал должен быть подан на бумажном и электронном носителях.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Посылать статью со сведениями об авторе следует по адресу: 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2.

Присланные материалы не возвращаются.

К сведению читателей

Подписка на журнал «Русская речь» (индекс 70788) принимается в отделениях связи.

По вопросам льготной подписки обращайтесь в редакцию, тел.: (495) 695-27-35.

Сведения об авторах можно получить в редакции журнала «Русская речь».
